

Т Е Н Ь Л О Г О В А

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ВЗГЛЯД
СО ДНА**

МОСКВА
2022

УДК821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Е. Петровой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Africa Studio, Praew stock / Shutterstock.com;
Во внутреннем оформлении использована фотография:
© WildlifeWorld / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Взгляд со дна : [роман] / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-161789-9

Она явилась словно из ниоткуда и начала свою охоту. На кровавом пути таинственной Русалки появляются все новые и новые жертвы. Кто она? Разгневанное мифическое существо или вполне реальный человек, который сводит личные счеты? Что связывает людей, которых постигла жестокая расправа? И почему на телах жертв убийца оставляет лилии — символ чистоты? Лишь один человек способен найти ответы на все вопросы — следователь Артур Логов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161789-9

© Лавряшина Ю., 2022
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Когда убивают твою маму, детство обмирает мошкой в янтаре и с каждым днем неудержимо ссыхается, становясь все меньше, чтобы однажды ты не смогла различить его совсем. Тогда и боль уйдет. Возможно... Только мне еще долго брести до той минуты просветления, в которой прошлое станет неразличимым и солнечный мамин смех затихнет навсегда, перестанет будить меня в пустой квартире: «Сашка, любимочка моя, проснись...»

А ведь тот майский день обещал быть легким, как дрожащий луч, просочившийся сквозь тонкую щель вертикальных жалюзи. Он щекотал пылинки, и они кувыркались в воздухе, хихикая так нежно, что грубое человеческое ухо не улавливало невесомые звуки. В потоке света шла своя увлекательная жизнь. Я наблюдала за ней, проснувшись, но лишь чуть-чуть приподняв веки. Не было никаких зловещих знаков... Как можно было догадаться, что маме остается жить несколько минут?

Этой ночью ее голос еще вспыхивал в углах, притворяясь лунными отсветами, шелестел широкими листьями старого тополя, который обкорнали прошлым летом до состояния столба, и мама горевала вместе с ним. А весной дерево упрямо зазеленело — надо ли говорить, что у нас дома был праздник по этому поводу? Мы выпили буквально по глотку вина (мама разрешила мне впервые!), но этого хватило, чтобы эйфория закружила нас по комнате, за окном которой упрямо выживал тополь.

А мама не выжила.

Она была единственным человеком, не замечавшим того, какое круглое и смешное у меня лицо с шариком носа и выступающим подбородком. Ей все во мне казалось ужасно милым... Даже вечно торчащие в разные стороны светлые перья вместо волос и рост щуплой девочки-подростка. У нее волосы были медовыми, густыми, они стекали по плечам, одним видом даря сладость. Моей сестре достались такие же...

Но мама любила меня. Уж не знаю — за что... Она первой вывела меня на сцену, решив, что нечестно в одиночку любоваться тем, как я, еще не научившись говорить, танцую посреди гостиной, набросив на плечи ее невесомый шарфик. Он был зеленоватого цвета, я помню. Как и мамины глаза... Они светились юной весенней листвой, когда она смотрела на меня. На мою долю выпало счастье, о котором миллионы и мечтать не смеют: меня любила лучшая женщина в мире.

Без нее я в нем просто потерялась... День засорен дурацкими действиями, которым я не отдаю отчета. Ловлю себя на том, что макаю чайный пакетик

ВЗГЛЯД СО ДНА

в пустую чашку... Мажу кусок хлеба маслом, которое даже не достала из холодильника... Вода бьется о раковину, но я не могу вспомнить, зачем повернула кран...

Зато мои ступни до сих пор помнят покальвания ворсинок темно-синего с песочными узорами ковра, тогда еще совсем нового. Его купили специально, чтобы не холодно было играть на полу. Я не забыла и свои игрушки: резинового жирафика, почему-то красного, я отгрызла ему рожки, когда чесались десны; пластикового снеговика с глуповатой физиономией; целую стаю песиков разных мастей и размеров — может, из-за них я так люблю собак? Но я не помню отца... Где он был в такие минуты? Почему не смотрел мои «выступления» вместе с мамой? В те годы он ведь еще жил с нами в этой квартире, в которой мама родилась и провела всю жизнь...

Говорят, человеку свойственно забывать самое тягостное. Похоже, моя память избавилась от них с Машкой, чтоб я выжила в этой бесконечной чугунной трубе, по которой ползу из последних сил, почти не веря, что впереди ждет выход. Что мое сиротство не погасило солнечный свет... И мои младшие подружки все так же выходят на сцену нашего Центра детского творчества, дрожа от восторга, звучащего в аплодисментах.

Я больше не смогу заставить себя сделать это. Да и поздно, детство кончилось. Умерло в муках.

Главные роли мне не доставались, я всегда была на подхвате. И не получала дипломов на олимпиадах, даже школьных, не говоря уж о городских. Мальчики не приглашали меня в кино. Ни разу. Мама до последнего оставалась единственным че-

ловеком в мире, который видел во мне что-то особенное.

Теперь я просто перестала существовать для человечества: оно не замечает меня.

Нет, один человек меня не бросил: Артур таскает мне пакеты с продуктами и оплачивает коммунальные услуги, ведь я ничего в этом не смыслю. Было бы проще, если б он остался в нашей квартире, как частенько бывало при маме, но я понимаю, как это будет выглядеть в чужих и недобрых глазах: юная, хоть и страшненькая, девушка и взрослый мужчина, от лица которого никому не удастся сразу отвести взгляд. Вряд ли такому человеку, как он, захочется портить ради меня репутацию... Артур ведь даже приемным отцом не может считаться — они с мамой так и не поженились, хоть и говорили об этом постоянно. Им хотелось придумать нечто сногшибательное: обвенчаться на вершине Джомолунгмы или на дне Марианской впадины. Поэтому до свадьбы не дошло...

Что Артур Логов распутывает убийства, я узнала не сразу. В первый вечер мне хватило того, что моя мама, излучающая солнечное тепло, сразу померкла на фоне его не то чтобы классически правильного, но невероятно обаятельного лица, слегка выющихся темных и густых волос и ясных серых глаз, в которых часто мерцала ироническая усмешка. А иногда их взгляд становился почти детским, трогательным до того, что сердце сжималось.

Мне стало не по себе от мысли, что Артур будет затмевать мою маму, где бы они не появились вместе. Я так и не узнала, опасалась ли того же она сама... Мы не обсуждали этого. Разве можно сказать

сорокалетней женщине, что она уже не так хороша для мужчины с подобным лицом? Это ранило бы ее на всю оставшуюся жизнь...

Тогда я еще не догадывалась, что этой жизни оставалось несколько месяцев. Но если б мне и достался от природы дар предвидения, я тем более не раскрыла бы маме правду: она ведь была так счастлива в этот неполный год с Артуром Логовым. Она даже двигаться начала так, будто исполняла танец под музыку, слышную ей одной.

Все портил только отец, который звонил ей чуть не каждый вечер и орал в трубку:

— Оксана, ты с ума сошла? Еще мента в нашем доме не хватало!

Или что-нибудь в этом духе...

Иногда мама срывалась и кричала в ответ, что это уже не его дом и нечего совать свой длинный нос... Она же не указывает ему, как мерзко притаскивать девчонок из клуба, зная, что под одной крышей с ними живет его дочь, которая старше некоторых из них.

В остальное время мама почти не говорила о Маше, после их развода решившей жить с отцом в том загородном доме, который он только что достроил. Я там даже не успела побывать...

Но чаще мама отвечала по телефону достаточно ровным и почти ласковым голосом:

— Сережа, а какое твое собачье дело?

Думаю, это бесило отца еще больше. А меня задевало то, что мама сравнивала его с собаками... Они куда лучше!

Теперь мои родители больше не достают друг друга...

Уже без мамы наступило очередное утро, в котором больше нет света. Я не отличила бы сегодняшнее от вчерашнего — та же серая муть за окном. Жаркий май вечерами исходит слезами вместо меня, я не плачу... Окаменела вместе с детством, которое больше не с кем будет вспомнить, потому что мама была для меня единственным родным человеком.

«Вернись! — Мое горло уже саднит от вопля, который я не выпускаю наружу. — Как мне жить без тебя?! Вернись, мам... Я не смогу. Без тебя никак».

Тот, кто убил ее, и меня вышвырнул из числа живых. Вчерашние подружки испуганно разбежались от меня как от прокаженной: а вдруг беда заразна? Только один случайный знакомый в Сети, некий Умник, продолжает выходить со мной на связь, но что он знает обо мне настоящей? Попробуй отыщи в Москве девушку без адреса...

Кто хватится меня, если я и вправду исчезну?

Может, лишь тот, кто относится ко мне лучше, чем родной отец, ведь моя мама любила его. Я много раз замечала, как розовело и начинало светиться изнутри ее лицо, когда Артур приходил к нам. И видела его глаза, когда мы стояли в морге их Следственного комитета по обе стороны от маминого тела. В его взгляде была такая тоска... точно погибло все человечество и Артур остался один на планете.

От ярости они потемнели позднее. В тот день его отстранили от расследования — личная заинтересованность могла помешать. Когда он сообщил об этом, мне показалось, у него сейчас взорвется сердце...

Из морга я вынесла в себе такой холод, что потом часа полтора пыталась согреться в ванне, то и дело подливая горячей воды. Но лед был прочнее, он не желал таять, не вытекал слезами. Я не стала закрывать дверь на замок — не была уверена, что мне не захочется остаться в этой воде навсегда. По-другому разве станет легче?

Даже думать не удавалось... Все во мне точно свело судорогой, мозг в том числе. Я чувствовала себя дауненком-переростком, который развлекается так, как может... Кому какое дело до того, что он уже совершеннолетний? К этому возрасту обычно уже забывают, что если опуститься в воду по ноздри и поднести руки к самой поверхности воды, вытянув кисти вдоль нее, то они станут плоскими, тонюсенькими, а пальцы удлинятся так, что любая пианистка позавидует.

Но стоит повернуть их и поставить перпендикулярно той же самой поверхности, как увидишь пальцы-колбаски. Жирные и противные лапы лавочника, привыкшего считать барыши. Никакой музыки...

Без мамы вообще ничего.

Неделей ранее...

— Да какого черта!

Спустя несколько дней Артура Логова внезапно обожгло: если б тогда в момент пробуждения он не помянул черта, все сложилось бы иначе. И мрачноватое дело, которое он расследовал, никак не коснулось бы его жизни, только-только наполняющейся

радостью. Это ведь должно быть порознь — работа и судьба. Так и было всегда. А на этот раз все неожиданно смешалось, застигнув его врасплох. И он растерялся...

Точнее, едва не растерялся.

Но всего этого Артур не мог предчувствовать в то воскресное утро, когда Разумовский разбудил его звонком. Знакомый звук прорезал сон, и тот сразу распался на части, каждая затерялась в памяти. Где он только что был? Почему так не хотелось возвращаться оттуда? На секунду блеснуло теплое море, в котором он гонялся за дельфинами, но мгновенно отхлынуло, обнажив пустошь спальни.

Что с ним происходило этой ночью? Его сны всегда были историями. Чаще напряженными, с интригой, как будто ему этого в реальности не хватало! Но в сон Артур уходил с удовольствием, как будто устраивался поудобнее в кресле кинотеатра: «Сейчас начнется!» Было обидно, что сегодняшние приключения уже не вспомнятся. Можно было и не всматриваться вслед новым улыбчивым друзьям, которых стремительно уносило к горизонту...

Вот о чем он подумал в момент пробуждения. Досада стала первым ощущением того дня.

Спросонья Артур не сразу нащупал телефон на полу возле кровати — специально клал туда, чтобы не уронить, если поднимут среди ночи. Пальцы ковыряли шершавое ковровое покрытие, отыскивая гладкую поверхность. У него же был выходной, и он собирался увезти Оксану подальше от Москвы — на то озеро, куда в детстве ездил с родителями, пока они были живы. Купаться еще рано, конечно, май

на дворе, но хоть посмотреть на воду, охотно выбирающую тяжелые мысли людей, ищущих у нее помощи... Море потому и приснилось, что мечтал о воде? А дельфины? Это Оксана с Сашкой?

После смерти родителей — почти двадцать лет! — Артур не ездил туда ни разу. Не находилось в его жизни человека, которому он мог позволить ступить на мелкие камешки, хранившие следы его матери и отца. Оксана стала первой. Единственной.

Сашка отказалась составить им компанию, скривила мордочку:

— Что за стариковские развлечения?!

«Умная девочка», — он похвалил ее взглядом.

Ясно же было: прикинулась врединой, чтобы мать не потащила ее с собой и посвятила этот день себе. И ему.

Саша в изнеможении закатила глаза: «Чертов сыщик! Ничего от него не скроешь...»

Они отлично ладили с младшей Оксаниной дочкой. Ему нравилось легкое и шутливое отношение Сашки ко всему на свете, включая и саму себя.

— Я, конечно, страшилка, — заметила она как-то, надевая перед зеркалом кепи. И ухмыльнулась: — Но миленькая же?

— Самоирония, мадемуазель, служит вашим лучшим украшением, — с поклоном отозвался Артур без малейшей паузы, в которой девочка могла слышать сомнение. И добавил уже серьезно: — В семнадцать лет я точно влюбился бы в тебя.

Сашка блеснула глазами и сморщилась:

— Фу! Слышать такое от старика...

— Но миленького же? — откликнулся он ей в тон.

Вытирая ножи, Оксана выглянула из кухни, откуда еще не выветрился кофейный дух, лезвие поймало солнечный отсвет, перебросило на соседнее.

— Жаль, что вы оба москвичи... А то были бы две сибирские язвы!

Сашка крикнула уже с порога:

— Мам, он годится в отцы, я согласна!

И выскользнула за дверь: «Все, я ушла».

В расширившихся от изумления зеленых глазах Оксаны заблестели искорки счастья:

— Господи... Она действительно это сказала? Или мне послышалось?

— Мадам, вы сомневались, что я очарую вашу дочь?! Обижаете!

В тот момент Артур забыл добавить «младшую», словно другой и не было. Машу за этот год он видел всего пару раз...

— Подъем. Ты нужен. — Разумовский тяжело закашлялся в трубку.

Пришлось отстранить телефон от уха. Уже все было ясно, и шелест мелких озерных волн обреченно стихал вдали следом за морскими. Никуда они сегодня не едут...

— У меня выходной.

— А у меня склероз, по-твоему?! Если бы могли обойтись без тебя, не позвонил бы...

Потолок набряк серой тоской и опустился на два с половиной метра — больше и не требовалось, чтобы комната превратилась в кирпичный гроб.

«Я замуровал себя в этой чертовой работе», — признал Артур с раздражением, заранее зная, что

ничего не станет менять. Даже ради Оксаны... И это ощущение безнадеги — минутное. А, едва отбросив одеяло, он опять станет поджарым гончим псом, готовым идти по следу, забыв о пище и воде. Ну, образно говоря... Поесть-то Логов не забывал. А его живой водой сейчас была Оксана, от которой он уже отказался в ту секунду, когда ответил Разумовскому:

— Сейчас буду. Как же без меня-то...

— Ты там уйми сарказм! — буркнул Разумовский. — Жду.

Показалось, или телефон хрустнул в руке? Хотелось засадить им в стену, чтобы все приказы осыпались за письменный стол, стоявший напротив кровати. Там много чего валяется, руки до уборки не доходят. В его доме давно не было женщины... Оксана ни разу не оставалась ночевать, ей было неловко, да и жалко бросать Сашку — вдруг ей станет страшно ночью?

— А ничего, что твоей нежной лялечке уже семнадцать? — поддевал он, но Оксана отмахивалась обеими ладонями:

— Это ж только по паспорту! Она совсем ребенок еще... И не нападай на мою девочку.

На самом деле ей тоже было понятно, что Сашка почти сразу стала его союзницей. И Оксане это нравилось.

— Ты напоминаешь ей Алена Делона в тех старых детективах, где он мрачный и умный, — как-то пояснила Оксана, посмеиваясь.

— Я вообще не мрачный! Но умный, это да...

Она коснулась его макушки:

— Только у тебя волосы чуть вьются, а у него нет.

— Это наследие моего прадеда-еврея... Откуда этот ребенок знает Делона?

— Сашка смотрела фильмы с ним в оригинале — практиковалась в французском. Потом забросила его.

— Бедный старик Алэн...

— Французский забросила! Решила, что произношение у нее ни к черту. И лучше не станет...

— Она чересчур строга к себе.

— Не то слово! Вот правда: не знаю, лучше это самоуверенности или хуже? Машка-то никогда не страдала от комплексов, ее еще тормозить приходилось, чтобы не воображала себя владычицей морскойю.

— Она — такая?

Но в ее глазах уже пульсировали крошечные знаки: «Стоп! Не говори о ней ничего». И Артур быстро менял тему:

— Оксана Викторовна, примите меры, ваша Саша на меня наговаривает. Разве я такой рафинированный, как Делон? Я же вылитый мачо!

Она охотно откликнулась улыбкой:

— И самый искрометный мужчина в моей жизни!

— И язык у меня подвешен, разве нет? У того сыщика, которого играл Делон, было по три фразы текста на каждый фильм...

— А ты у меня такой болтун! — она откровенно любовалась его лицом. — Красивый и умный. Невроятное сочетание!

— Не такое уж и редкое: ты тоже красивая и умная.

— Среди женщин такое встречается чаще.

— Не может быть. Ты одна такая...

«Я женюсь на ней, — решил он, небрежно заправляя постель. — И тогда черта с два кто-то посмеет отобрать у меня выходной! Я стану семейным человеком. Даже с ребенком».

Правда, Сашка уже не особо тянула на младенца, а Оксана больше не собиралась рожать: в сорок-то лет? Не смешите мои тапочки! Артур и не настаивал, ему никогда особо не мечталось о наследнике, и чужие младенцы не вызывали желания потискать и посююкать. Да и не до того было...

Поэтому Разумовского нисколько не мучила совесть, когда он срывал Логову выходной — разве его лучший следователь втайне сам не желает именно этого? И нет никаких оправданий вроде «кто-то же должен». Артуру просто нравилось то, чем он занимался, что уж скрывать. Он чувствовал себя живым, когда появлялось дело, способное утянуть его с головой. Все остальное становилось неважным.

Могло ли таковым стать убийство сына известного застройщика Ивана Василенко, насчет которого и звонил шеф, Артур пока не имел представления. Парень отмечал тридцатилетие, напомнил он себе, плеснув в лицо холодной водой и громко фыркнув. Это вполне может оказаться банальной пьяной разборкой... А следователя его класса привлекли только потому, что дело резонансное — журналисты слюной капать будут от такой новости! Если уже не пронюхали... Поэтому Следственный комитет должен изобразить крайнюю озабоченность: «На расследование брошены лучшие силы, дело будет раскрыто с максимальной оперативностью».

Покрошив корм рыбкам, живущим в большом аквариуме, в мире, за которым Артур наблюдал с большим удовольствием, чем за реальным, он наспех соорудил бутерброд из двух кусков хлеба, проложенных кружками салями и пластинками сыра. Впился в него, еще сбегая по лестнице — крошить в машине Логов не любил. А вот грязный нож как орудие убийства колбасы на столе бросил, правда, вспомнил об этом, когда уже захлопнул дверь.

Семи этажей как раз хватило на завтрак... А кофе придется купить по дороге, некогда было варить. Как-то Сашка доказывала, что растворимый пробуждает мозг ничуть не хуже, но Артур так и не решился проверить ее слова. Да и кофейня, куда он обычно заглядывал, сейчас была по пути.

Двор встретил его птичьим гомоном: у подъезда рос высокий круглый куст, облюбованный воробьями. Десятки пичуг ловко прятались в едва позеленевших ветвях и без умолку галдели на все лады. В этой многоголосице слышалось столько радостной любви к жизни, что каждый раз Артур замедлял шаг возле листовяного дома, надеясь впитать немного. Когда изо дня в день имеешь дело с трупами, годится любая подзарядка. У воробьев энергии не занимать, от них не убудет...

Он отломил хлеба и быстро покрошил на вытоптаный пятачок. На мгновенье куст затих. Отойдя, Артур оглянулся: живые мячики уже всюю скакали, собирая крошки. Его губы расплзлись усмешкой: «Эти ребята не пропадут». И погрозил пальцем узкомордому коту, похожему на сфинкса:

— Только попробуй!

Хотя коты ему нравились — их жизнь всегда раздирали страсти. Однажды эти зверюги ввели его в заблуждение: почудилось, будто за мусорным баком плачет младенец. Была зима, и у него стыло обмерло сердце: «Погибнет!» Решение созрело мгновенно: нужно забрать ребенка домой, пока не окоченел на земле. Оставить себе? Это невозможно. С его-то работой? Его дому, конечно, не хватает детского смеха и плача... Жизни не хватает. Но...

В несколько прыжков Артур добрался до зеленых облупленных баков и увидел выгнувших спины котов, с упоением оравших друг на друга. Всклипнув от смеха, Логов расхохотался во весь голос.

Заскочив в машину, Артур первым делом набрал Оксанин номер.

— Вселенная ненавидит меня... Похоже, и тебя зацепило. В общем, мне так жаль, — пробубнил он в трубку, услышав ее радостное: «Да? Привет!»

Она сразу поняла:

— На работу вызвали?

— Чтоб их... — Артур произнес это с искренней пылкостью, ничуть не наигранной, но все же рассчитанной на то, чтобы Оксана не усомнилась: ему и вправду ужасно жаль.

— Ничего, в другой раз, — откликнулась она мужественно.

Хотя они оба знали, что и в следующий раз может произойти то же самое. Таким уж делом он занимается... Но ему не приходилось напоминать: «Ты же знала», ведь Оксана ни разу не позволила подпустить металл в голос или обиженно умолкнуть на целую вечность.

— Позвони, когда освободишься, — предложила она с той приветливой легкостью, к которой Артуру до сих пор не удавалось привыкнуть.

До знакомства с Оксаной Кавериной он встречал в женщинах лишь отголоски той заботливой теплоты, которую она набросила на него, как прозрачное покрывало — легкое, но защищающее ото всех ветров.

— Люблю тебя.

После этих слов Артур всегда сразу отбивал звонок, точно опасался не услышать в ответ того же. Или не хотел, чтобы Оксана подумала, будто на это он и рассчитывает. Сам еще не разобрался... Как вообще можно о чем-то размышлять, не выпив крепкого кофе?!

Чернявый бариста широко улыбнулся ему:

— Двойной эспрессо, как обычно?

Может, пронюхал, чем занимается их постоянный посетитель, и улыбки подбрасывал как страховочные маты — вдруг пригодится... Не дай бог, конечно! Но, как говорится, не зарекайся...

Артур взял на вынос и опустошил стаканчик, пока возвращался к машине. Было не очень хорошо, что Логов приедет на место преступления на своей «Ауди» — личный транспорт в СК старались не светить, кому нужны проблемы с мстителями-уголовниками? Для этого имелись служебные автомобили, но сейчас заезжать в общий гараж было некогда, Разумовский требовал, чтобы Артур прибыл «еще час назад».

«Ерунда, — сказал он себе, запустив стаканчиком в урну. — Речь о загородной усадьбе, там не будет зевак. Машину можно бросить поодаль, никто и не

заметит. Наверняка криминалисты и опера уже на месте...»

Воскресное утро еще не вошло в силу, и Новорижское шоссе оказалось почти свободным. «Ауди» нетерпеливо порывивала, требуя вдавить педаль газа, и он пошел ей навстречу. В крови мгновенно вскипела радость: охота началась! Еще не добравшись до места и ничего толком не зная о новом деле, Артур почувствовал, что оно все же будет интересным.

С чего он взял, что можно слушать интуицию?!

* * *

За городом его накрыл запах жизни в ее природном естестве: деревья всех мастей торопились раскрыть навстречу солнцу свои соцветия, ароматы густо смешивались в воздухе. Артур весь обратился в нюх: кровью не пахло.

— Его утопили, — новенький помощник произнес это с той же радостной улыбкой, с какой обычные люди желают доброго утра.

— Выкладывай.

То, что на это дело Разумовский приставил к Логову студента-юриста с большими странностями, которые просто бросались в глаза, могло означать одно: преступление не стоит и выеденного яйца. Хотя Артур предпочитал работать без напарников, поэтому в отделе и подтрунивали над ним, поминая волка-одиночку, еще и фамилия давала повод.

Но насчет этого мальчишки Разумовский договорился заранее:

— Поучи малыша. Он способный. Это моя личная просьба.

Значит, чей-то сынок... Логов скосил глаза: забавный лохматый блондинчик — овал лица совсем юный, румянец во всю щеку. Но это еще ни о чем не говорит... Артур три года охотился за серийным убийцей, который так же легко краснел и потому казался невинным, как гимназистка. На его совети было семь жертв — он ненавидел рыжеволосых девушек, похожих на его старшую сестру, которая и впрямь была мерзким чудовищем, даже вспоминать не хочется, что она творила, пока тот был малышом.

Парня допрашивали после того, как тело сестры по кускам собрали в городском парке. Сам Артур и допрашивал... Прямых улик не было, и хотя алиби казалось слабоватым, но все же имелось, потому убийцу отпустили: он так трогательно краснел и заикался, а подбородок дрожал так жалобно — ну какой из него маньяк?

Этот юристик тоже может оказаться вполне себе крепким орешком, не стоит недооценивать. И даже то, что у него глаза двухлетнего крохи, возможно, лишь видимость. И это было бы хорошо, ведь с неподдельной доверчивостью нечего ему делать в профессии. Пока ведешь дело, доверять нельзя никому, даже жертве...

— У меня стеклянный глаз.

Это парень сообщил первым делом, да еще улыбаясь до ушей. Просто ходячая реклама мыла душистого и полотенца пушистого...

— Черт! — вырвалось у Логова. — Который? Правый или левый?

— А есть разница?

— Еще какая... Прицелиться можешь?

Детская физиономия опять расплылась:

— Даже зажмуриваться не надо...

С этого момента он и начал нравиться Логову:

— Во всем есть свои плюсы, да?

— Ой, у меня полно плюсов!

Артур остановил его:

— Не топи. — Он использовал словечко, заимствованное у Сашки. — Пусть постепенно проявляются.

На самом деле Логов надеялся отвязаться от помощника до того, как выяснится, какие еще части тела у него искусственные. Хоть пацан и с юмором, но работать одному все же привычнее.

Мальчишка попытался сделать серьезное лицо:

— Я просто решил, что вы должны знать.

— И это правильно, понимаешь, — ответил Логов голосом Ельцина.

И понял, что промахнулся — пацан его не узнал. Другое поколение.

Зато на месте преступления помощник оказался раньше его. Интересно... как?

— Утопили, говоришь? Это не ножом пырнуть в драке. Не сгоряча.

— Пойдемте? Тут метров двести...

Артуру показалось, что его помощнику хотелось пуститься по берегу вприпрыжку: он то и дело забегал вперед, потом ловил себя и возвращал на место. Его одуванчиковые волосы развевал ветер, гулявший вдоль реки — все видел, но ничего не расскажет.

Покопавшись в памяти, Логов делано вздохнул:

— Напомни, как тебя зовут? Не Антошка?

— Никита. Ивашин.

— Запомню.

Мальчишка улыбнулся так благодарно, точно Артур медаль ему на грудь повесил. Верхняя губа у него была коротковата и легко вздергивалась, но зубы парню достались отличные, как и самому Артуру.

«Напарники-улыбашки», — он еле сдержался, чтобы не усмехнуться, а то Никита опять принял бы на свой счет.

— Подстригись, — произнес он строго. — Следователь не должен выглядеть как одуванчик. Даже если он еще не настоящий следователь.

Никита закатил глаза (один?), будто попытался разглядеть, что там у него на голове. Может, и правда не замечал? Это плохо. В их работе без наблюдательности нечего делать. Артур сразу отметил, что студент пытался произвести хорошее впечатление — надел светлую рубашку. Аккуратный — ногти чистые. Но не особо осторожный: сквозь ткань заднего кармана джинсов проступает прямоугольник — или «Тройку» засунул, или, что еще хуже, банковскую карту. Легко стянут в метро... Носит старые растоптанные кроссовки и чуть косолапит, возможно, плоскостопие. Но в армии не служил из-за глаза, конечно. А там научили бы пуговицы пришивать — третья сверху еле держится... Хотя, может, сразу после школы на юрфак поступил. Если башковитый — такой ему пригодится.

— Ладно, подстригусь. — Никита неловко пригладил волосы. — Только лучше не станет. Они вечно торчат во все стороны.

— А ты попробуй.

Артур поискал взглядом Разумовского: «Шеф его первым поднял? Или пацан живет рядом?»

— Ты водишь машину?

Никита с сожалением причмокнул:

— Кто мне права даст? Я на велике...

— Шикарно. Ты в курсе, сколько километров отсюда до Комитета? Со мной поедешь. Велик свой потом заберешь.

— О, круто! У вас классная машина. Сколько лошадей?

Вряд ли его интересовало это всерьез, просто пытался понравиться. Логов отмахнулся:

— Потом. Давай по делу.

Мотнув головой, как лошадь, Никита указал на брошенные на берегу вещи, до которых уже добрались криминалисты. Сверху сиротливо лежал телефон. У Артура вопросительно дрогнули брови: «Странно, даже не последняя модель. Богатый же мальчик...»

— Вот здесь Влад Василенко разделся и вошел в воду, — заговорщицким тоном сообщил Никита, понизив голос.

Артур покосился: да он прямо дрожит весь, как гончая! Первое дело. Или он по жизни такой... легковозбудимый?

Но помощник заговорил спокойнее:

— По ходу, сам вошел. На берегу никаких следов борьбы. Тело обнаружили ниже по течению. Здесь недалеко.

— Еще раз произнесешь «по ходу», и мы распрощаемся.

У Никиты вытянулось лицо:

— Я больше не буду...

Вдоль прибрежных кустов тянулся туман, покрывающий преступление, совершенное ночью, солнце еще не набрало достаточно силы, чтобы разогнать его. Артур не сомневался, что, хоть свидетелей целая толпа, каждый готов подпустить такого же тумана, лишь бы запутать дело окончательно. Нет, им, конечно, просто хочется доказать тривиальное: «Ничего не видел, ничего не слышал!» — и обратиться отсюда побыстрее и подальше, чтобы навсегда забыть о кошмаре, посудачив пару дней. Интересно, есть ли среди этих «друзей» те, кто и впрямь станет оплакивать Влада Василенко?

«А стоит ли? Наверняка маленький мерзавчик весь в папу, если б вырос, еще и переплюнул бы», — Артуру самому захотелось сплюнуть, но вокруг было слишком много глаз. Не станешь ведь всем объяснять, что Иван Василенко подсовывал дольщикам голые «коробки» без радиаторов, со стенами тонкими, как папиросная бумага. Живи — не хочу!

Камни под ногами хрустели все громче. Артур незаметно сжал кулак, уже затянутый в латексную перчатку: не злиться! Нельзя позволить досаде за сорванный выходной помутить разум настолько, чтобы завалить дело. Такое с ним уже случилось однажды...

Остановившись над телом, голые ноги которого оставались в воде, Артур коротко бросил криминалисту с говорящей фамилией Коршун:

— Привет, Толя. Чем паразить?

Но успел удивиться без его помощи: на груди трупа лежала чуть увядшая, но все еще красивая белая лилия.

— Так и было, — шепнул Никита.

— Да уж понял, что не оперативники почтили память...

Коршун выпрямился и угрюмо посмотрел сквозь стекла очков снизу вверх. Высоких мужчин, то есть практически всех в мире, он не выносил, но Логов чем-то необъяснимо нравился ему. Взглянешь — и тянет улыбнуться. Правда, в их работе как раз этому нет места, потому-то Коршун скрывал свою симпатию даже от самого Логова... Этот следовательно и так чересчур уверен в себе!

Артур готов был услышать мрачный гортанный клекот, а новичок, похоже, удивился. Ему ко многому придется привыкать... И не удивляться. По крайней мере, не показывать этого.

— Первичный осмотр показал наличие признаков «влажного» типа утопления. Видишь? — Коршун указал пальцем, обтянутым латексом, на крошечные белесые пузырьки пены, застывшие на губах и ноздрах трупа. — Смерть явно насильственная, на шее гематомы с обеих сторон.

— Его душили.

— Но причиной смерти стало утопление.

— То есть он захлебнулся...

— Наверняка вскрытие покажет вздутие легких и кровоизлияния под легочной плеврой. Если брать за аксиому, что утонул он именно в этой реке, то в легких трупа обнаружатся диатомовые водоросли, характерные именно для этого водоема.

— Когда он умер?

Коршун зловеще гаркнул:

— В полночь!

Потом добавил уже обычным голосом:

— Ну, плюс-минус...

Но Никита уже отодвинулся от него.

Артур кивнул и обошел труп, осматривая со всех сторон. Стараясь не попадаться на глаза, Никита следовал за ним.

— Что с цветком?

Коршун хищно раздул ноздри:

— А вот это любопытно... Поблизости лилии растут только в том месте, где жертва вошла в воду. Добровольно — одежда сложена достаточно аккуратно.

Артур присел, разглядывая стебель:

— Не срезан. Наш герой все сделал голыми руками.

— Если голыми — хорошо...

— Это я образно. Не думаю, что вы найдете ДНК, он явно все спланировал. — Логов поднял голову. — Кто закрыл ему глаза?

Никита испуганно мотнул головой:

— Так и было!

— Если убийца так проявил уважение, тоже мог наследить на веках.

— Проверим, — буркнул Коршун.

— Но когда используют символы, как эта лилия, то обычно тщательно все продумывают, — пояснил он, глядя на Никиту снизу. — Так что не стоит ждать, что он прокололся на перчатках...

— Разумовский идет, — почти не шевельнув губами, предупредил Никита.

Поднявшись, Артур кивнул шефу, который выглядел еще менее выспавшимся, чем он. Похожий на сердитого хомячка, он быстро обежал тело и укоризненно покачал головой. На лице шефа было

написано: «Не могли закрыть дело до моего приезда?!»

С Коршуном они были одного роста и потому прекрасно ладили уже не один десяток лет. В отличие от криминалиста, Разумовский не задыхался от бешенства, видя высоких мужчин, а Логов вообще считался в Комитете его любимчиком. Правда, проявлялось это в том, что начальник бросал Артура на самые сложные дела. Это — такое?

— Что скажешь? — буркнул Разумовский, не глядя на Артура.

— Это не спонтанное убийство, — он постарался, чтобы голос звучал ровно. — Подготовленное.

— С чего такой вывод?

— Лилия. Это явная демонстрация. Акта мести или чего-то подобного... Вряд ли преступник сорвал цветок, когда собирался утопить именинника. Выходит, или у него дьявольское самообладание, и он не забыл о лилии сразу после убийства, или стогнял за ней, уже вытащив тело Василенко на берег.

— Ты уверен, что убийца сам его вытащил? Зачем?

— Чтобы нашли. Вся фишка в том, чтобы показать: парень наказан. За что — выясним. Но убийца явно не собирался выдавать его смерть за несчастный случай.

Разумовский вздохнул:

— Ну, ничего не попишешь... Значит, квалифицируем как убийство.

Коротко кивнув, Логов взглянул на стажера:

— Кто обнаружил тело?

— Бабка... Ну, то есть старушка. Рыбачка. Она ждет там. — Никита неопределенно мотнул головой.

В его живом глазу поблескивала мольба об одобрении. Так смотрят собаки, умоляя, чтобы их погладили: «Хозяин, я же хороший? Я все делаю правильно?»

Артур улыбнулся и, на секунду задумавшись, хлопнул Никиту по плечу:

— Ну что ж... Начнем, пожалуй?

Накануне ночью...

— А можешь достать мне звезду?

— Что-о?

Луна вопросительно заглянула в беседку, где двое словно пытались срастись, прижимаясь так тесно, что ребрам становилось больно. Они поили друг друга словами, первыми попавшимися, их смысл был неважен, да его и не имелось вовсе... Дыхание, обжигавшее губы, значило куда больше. Тепло стекало по подбородкам, щекотало шею, от него мутилось в голове...

— Звезду. Знаешь, что это такое?

— Еще бы. Это гигантское самосветящееся небесное тело, состоящее из газа или плазмы. И в нем происходят термоядерные реакции. Знаешь, какая звезда ближе всех находится к Земле?

У нее вырвался смешок:

— Звезда по имени Солнце?

— Боже... Хоть Цой просветил народ!

Чуть отстранившись, Маша прищурилась, спрятав крошечные звездочки — отражение изящных фонарей, окружавших беседку:

— Ты не слишком умный для сына олигарха?

Крупное лицо Влада, в котором она любила каждую черточку, досадливо сморщилось:

— Никакой он не олигарх... А сейчас дела вообще хреново идут. Слишком много жалоб от дольщиков. И... Слушай, я не хочу о нем. Пошел он! Не в мой день.

Доносившиеся издали возгласы, перемежавшиеся смехом на фоне немолкающей музыки, напоминали, почему сегодня в усадьбе столько посторонних. Зачем Влад собрал всех этих людей, хотя никто, кроме Маши, не был ему нужен, она не спрашивала. Может, его мать хотела этого? Так ведь положено — юбилей...

«Екатерине Леонидовне приспичило убедиться, что ее сыночку все любят. — Маша чуть отвернулась: иногда Влад поражал тем, как легко угадывал ее мысли по взгляду. — Да никто его не любит... Всем интересны только его бабки, а не он сам. Всем без исключения».

— Ну прости, — вновь повернувшись, Маша потеряла его губы кончиком языка и посмотрела изгибо. — Так будет мне звезда?

— Это ведь из какого-то старого мультика?

— Что?

— Ну вот это: «Достань звезду!» Или откуда это? Где-то я слышал...

Она резко отодвинулась:

— Хочешь сказать, что сама я не способна ничего придумать? Я тупица, по-твоему? Моя сестрица считает так же, как и ты...

— Ты красавица. Этого более чем достаточно. Сашка просто не может тебе простить, что ты выбралась из бедности, а она предпочла остаться с матерью.

— Потому что идиотка...

— А как по мне, то она поступила правильно.

— Вот спасибо!

— Но глупо. — Он вздохнул. — Приходится учиться выживать в этом мире. Твой отец — это для тебя лестница.

Маша насторожилась: «Мой отец? А себя он в качестве лестницы не рассматривает?» Но вслух спросила:

— Лестница куда?

— К звезде по... — Влад вдруг встрепенулся. — Стоп! — И просиял улыбкой: — Не двигайся с места. Через пять минут у тебя будет звезда.

За спиной нарастав прозвучало знакомое:

— О'кей...

Он тяжеломерно потрусил по ему одному известной тропинке между деревьями, которые через двадцать метров уже сгустились настоящим лесом. Ему хотелось бы бежать легко, упруго, ведь Маша провожала его взглядом, он чувствовал это, но тело никогда не слушалось его.

Еще в детстве Влад пришел к выводу, что родился не в том теле, которое предназначалось ему. Вышла какая-то путаница на небесах, и ему придется влачить эту жизнь в образе пухлого увальня. Хоть очки не нужны, и то счастье... Переживать об этом он перестал после того, как услышал Ника Вуйчича и осознал, что ему еще чертовски повезло!

А потом в его жизни возникла Маша... Нет, он понимал, конечно: она не самый умный и благородный человек в мире. Зато выглядела она так, что все парни одабривали его удивлением: «Вот же везунчик!» И ведь Маша не догадывалась, кто его отец, когда они встретились... По крайней мере, уверяла, что понятия не имела об этом. Влад не находил оснований не верить ей...

Сбоку вдруг хрустнула ветка, и он остановился, настороженно взгляделся в темноту:

— Кто здесь? Это частная территория.

Прозвучало глупо: если это кто-то из гостей шляется по кустам, Влада сочтут трусом, а забрался посторон-

ний — ему и без того известно, что он нарушил границу. Только ему плевать на это!

Услышать отклик Влад не рассчитывал, но все же постоял немного, прислушиваясь. Ночь сонно шелестела свежей листвой, убаюканной сверчками. Где-то удивленно вскрикнула сова, и все опять затаялось. Влад перевел дух и постарался убедить себя, что это какая-то живность выбралась на ночную охоту. Не волк, конечно! Откуда ему тут взяться? Может, филин неудачно уселся на дерево? Только и всего... Лес ведь не умирает на ночь, и даже не все его обитатели укладываются спать.

Он пошел дальше, к реке, больше не пытаясь перейти на бег, хотя Маша оставалась одна в беседке, и теперь это начало тревожить Влада. Как он вообще решился бросить ее там одну? Ради «звезды»? Идиотизм какой... Ему не удавалось отделаться от ощущения, будто кто-то крадется в нескольких метрах от него, скрываясь за деревьями, и от этого у него то и дело сбивалось дыхание.

«Если нападут, черта с два я отобьюсь, — себе-то Влад мог признаться в этом. — Да нет, это мне померещилось... Я просто сачкую, вот и все».

И тут он услышал... Что-то...

Ну да, он не сразу распознал, что за звуки, лес запутал. Это был не волка вой и не стон монстра — запела девушка. Высокий серебристый голос будто проступал из вязкой сумятицы ночных шорохов, исполняя неизвестный ему вокализ. Он звучал диссонансом с рваными ритмами, доносившимися со стороны дома, и потому казался еще более нереальным.

Сливаясь с лунным светом, звуки проникали между переплетенными ветвями, белесым паром стелились по земле. И тянулись они навстречу Владу, каким-то чу-

дом притягивали его к себе, манили вперед, и он опять заторопился, влекомый этим голосом, который, конечно же, был женским и вместе с тем казался нечеловеческим. Так могла петь лесная нимфа...

Голос вывел его туда, куда он и направлялся — к реке. И внезапно смолк, уступив сбивчивому говору течения. Будто и не было ничего... Может, и не было? Он просто слишком много выпил за собственное здоровье?

— Что происходит? — пробормотал Влад, глядя на светящиеся на воде яркие звезды.

За этими лилиями он и спешил. В этом году они расцвели раньше обычного, еще конец мая, но уже недели две жара стоит совсем летняя. Даже в реке вода уже прогрелась, он опробовал, хотя всегда был мерзлячим. Маша не уподобится глупой андерсеновской принцессе? Оценит живую красоту? Ну пошло же, в самом деле, дарить бриллианты! Особенно когда легко можешь позволить себе это... Ему хотелось поразить ее по-настоящему мужским поступком, и если уж не под силу достать звезду с неба, то хотя бы из воды Влад сможет ее выудить.

Стараясь больше не думать, откуда доносилось завораживающее пение — наверное, кто-нибудь из девчонок развлекается, — он быстро разделся и вошел в воду. Для ночи она оказалась вполне даже теплой, хотя его все равно передернуло. И все же Влад не позволил себе отступить — нужно было добыть этот светящийся цветок, чего бы это ему ни стоило!

Никто не следил за ним, так что можно было не геройствовать, и Влад направился к самой ближней лилии, словно выточенной из ослепительного льда.

И тут в камышах раздался шорох...

Быстро оглянувшись, Влад поискал взглядом: «Утка? Я разбудил ее?» Ни птицы, ни хлопанья крыльев. Он по-

дождал, вглядываясь в темноту, слегка подсвеченную лунной, потом осторожно двинулся дальше.

Вода уже покачивалась на уровне ребер, когда что-то скользнуло по его голой ноге. Шарахнувшись в сторону, Влад едва не упал, неуклюже взмахнул руками и громко шлепнул по воде ладонями, пытаясь удержаться. Хотя хвататься за воду — идея сомнительная...

А в следующий момент он забыл обо всем на свете.

Между ним и лилией из воды вынырнула... Русалка?! Обнаженная длинноволосая нимфа улыбалась ему так чарующе, что у него взволнованно дрогнуло сердце. Не то чтобы в этот момент мысли о Маше осели на дно и просочились между камнями... Но на какую-то секунду Влад действительно забыл о ней. И о том, как очутился в этой реке.

Кожа Русалки показалась зеленоватой. Или это свет луны окрасил ее? Волосы струями облепили грудь — не слишком большую, прекрасную своей естественностью. Она была невысокой, но не казалась хрупкой, в ней чувствовалась природная сила. А в улыбке проступала колдовская порочность, не улыбнуться в ответ было невозможно.

Медленно подняв руку, точно имела дело с неприрученным зверем, она осторожно коснулась его щеки холодом и снова запела без слов. Ее пальцы скользили по его шее, плечам, груди, а прозрачный голос околдовывал, обещая больше того, что может представить земной человек.

«Если это чей-то подарок, я озолочу его в ответ», — промелькнула мысль.

И это было последнее, что он успел подумать.

В следующую секунду на берегу зазвенел его телефон. С досадой скривившись, Влад обернулся, и в тот же миг сильные руки обхватили и сжали его шею, утянули под воду...

Темное и узкое лицо старухи было точно высечено из мокрого дерева. Она смотрела сурово и говорила глухо, от этого ее странные слова звучали пугающим бредом:

— Я все видела. Это была русалка.

— В смысле девушка? — встрял студент, но Артур не стал его одергивать. Не при свидетелях устанавливать субординацию.

Рыбачка метнула в него гневный взгляд:

— В смысле русалка. Не слыхал о таких?

— Ну как... Читал.

— А у нас они испокон веков водятся. В этой самой речке. Я их с детства навиделась — во! — резким жестом она перечеркнула шею, спрятанную под грязноватым платком.

Артур незаметно опустил глаза, нашел запись. Имя рыбачки звучало слишком обыденно...

— Антонина Семеновна, расскажите подробнее, как это все происходило. Где вы находились во время нападения? — Он дружелюбно улыбнулся, сделав то движение бровями, которое почему-то располагало к нему людей, точно Логов подавал им некий тайный знак.

Раз она сама поделила их на «плохой-хороший полицейский», придется соответствовать. Хотя ему самому не верилось, что «Антошка» может кому-то не понравиться...

— Не спалось. Лодку проверяла. — Старуха с подозрением покосилась на Никиту. — Пацаны городские шныряют по кустам. Шантрапа... У соседа вон давеча увели моторку!

ВЗГЛЯД СО ДНА

— А ваша лодка на месте оказалась?

Антонина Семеновна молча кивнула, метнув в помощника еще один не менее суровый взгляд.

— Это хорошо. — Артур убрал улыбку, чтобы не выглядеть жизнерадостным идиотом. — В каком часу вы вышли на берег?

Она подумала, пожевала губами:

— Двенадцати еще не было. Где-то около того.

Никита усердно делал пометки в смартфоне, ловко орудуя большими пальцами, и Артур мог расслабленно кивать, приняв заинтересованный вид.

— И что вы заметили?

Вот тут она дрогнула, даже острый подбородок мелко задергался:

— Не поняла я... Думала, что парочка в воде забавляется. Голые ж оба были.

— Вы это с другого берега разглядели? — Он обернулся к реке: ширина метров двадцать.

— Полная луна была... Все как на ладони. А зрением меня бог не обидел, можете проверить.

Артур на секунду чуть опустил веки, пытаясь вообразить картину.

— Вы ее грудь видели?

Со стороны помощника донесся какой-то невнятный звук, но Артур даже головы не повернул. А рыбачка так и взвилась:

— Чего?! Ты меня за кого... Думаешь, я на девку пялилась?

— Ну что вы, никаких грязных намеков! Я к тому, что это мог быть длинноволосый парень...

Она тяжело засопела:

— Была грудь. Торчала... будь здоров!

— Ясно. И вы увидели, как она... Русалка его топит?

— Нет! — Антонина Семеновна выкрикнула это так резко, что Никита уставился на нее с ужасом. — Поняла бы, что происходит, так уж, наверное, сразу милицию бы вызвала... А до меня только утром дошло. Когда труп увидела... А ночью-то я дальше не стала смотреть! Я не из тех, кто всякой порнографией забавляется.

Артур с пониманием кивал:

— Я даже не сомневаюсь. Утром вы сразу же узнали в убитом того парня, который ночью плескался с Русалкой?

Тяжело засопев, она выпрямилась:

— Ну прям руку на отсечение не дам. Но похож. Толстун такой... Белый. Видимо, стесняется загорать.

— От вас ничего не скроешь...

— Да и лето еще не раскочегарилось. Опять же одежда его на том самом месте до сих пор лежит, так?

— Так, — согласился Артур. — Вы очень наблюдательны, Антонина Семеновна. А с рукой у вас что?

Подняв кисть, замотанную грязноватым бинтом, рыбачка несколько мгновений смотрела на нее с удивлением, будто не узнавая, и вдруг вскинулась:

— Вы меня, что ли, пытаетесь к этому делу притянуть?!

— С чего такие подозрения? — ласково протянул Артур. — Я лишь поинтересовался. Так что у вас с рукой?

— Крючком поранила. Рыболовным. Показать?

— Обязательно. Сами понимаете, мы должны проверить все. — Он улыбался, чтобы рыбачка продолжала думать, будто следователь на ее стороне.

Она уже взялась за бинт, потом прищурилась, почти слепив короткие, выцветшие от времени ресницы:

— Так его ж утопили... Не зарезали.

— А вдруг он укусил убийцу? Или тот о корягу поранился во время драки.

— Да не было никакой драки! Шум я бы услышала. Вернулась бы. И где там коряги? Ты место хоть осмотрел?

«А ведь верно. Вот чертовка старая!» — Он старался смотреть на рыбачку приветливо:

— Значит, она застала его врасплох?

Ее прямые и костистые плечи дернулись: «А я почему знаю?!»

Большие пальцы Никиты опять застучали по экрану. Он там правда записывает что-то или комментарии в сетях оставляет? Логову так хотелось заглянуть ему через плечо, что он отвернулся и настойчиво указал на руку рыбачки:

— Так я могу взглянуть?

— Да ради бога! — Антонина Семеновна раздраженно рванула бинт, но грязный узел не поддался. — Нож есть?

Никита просиял, почувствовав свою нужность:

— У меня есть. Перочинный.

— Режь, — скомандовал Артур.

Ему не хотелось трогать изгвазданный бинт. Для таких дел у него теперь имеется помощник!

А тот уже отработанным движением сунул смартфон в задний карман и вытащил складной ножик из переднего.

— Господин Коршун, можно вас на минутку? — позвал Артур, заранее предугадывая гримасу, которая сейчас появится на физиономии криминалиста:

мало того, что этот Логов беззастенчиво нависает над ним, так еще и от дела отрывает...

Но рану на руке старухи должен был осмотреть специалист, чтобы потом не возникло формальных придинок к материалам дела.

Именно с тем выражением лица, какое Артур и представлял, Коршун нехотя приблизился к ним и уставился ненавидящим взглядом: «Ну? Чего тебе?!»

— Можете определить, как давно была получена травма? Только вам это под силу. — Логов улыбнулся так добродушно, что даже Коршун дрогнул и бросил взгляд на сморщенную ладонь рыбачки.

— Порез был получен не менее трех дней назад, — буркнул он.

— Порез? Не укус?

— Какой еще укус? — Криминалист провел пальцем, затянутым в латекс, над зажившей раной. — След неровный, но практически прямой. Человеческие зубы такой оставить не могут.

Артур окатил его нежностью:

— Благодарю, Анатолий Степанович. — Когда тот, ворча, удалился, заглянул в глаза старухе: — Антонина Семеновна, мы признательны вам за сотрудничество. Догадываетесь, о чем я сейчас попрошу?

Рыбачка хмыкнула, чуть дольше задержав взгляд на его лице:

— Не болтать. И позвонить, если еще что вспомню.

Артур восхищенно воздел руки:

— Вы грандиозны!

— Была грандиозна лет сорок назад... Вот тогда я бы тебе точно позвонила.

У Никиты неожиданно выпал ножик и затерялся в траве.

* * *

Его так и прошило, когда он увидел это лицо в толпе ребят, обреченно дожидавшихся беседы со следователем. Так Влад ушел с *этой* Машей?! Она видела его последним. Главная подозреваемая. Волосы длинные. Правда, и у остальных из их компании тоже... Похоже, Сашка единственная стриженная девчонка изо всех, кого он знает.

Артур попытался вернуться мыслями к старшей сестре: хилой Машу не назовешь, надо выяснить, каким-то спортом занималась или генетика такая? Ее отец — крепкий мужик. Оксана рассказывала, как он однажды ей два ребра переломил одним ударом... Не жаловалась, нет. Просто к слову пришлось.

— Когда Сергей мне ребра сломал, я совсем не могла смеяться. Вот мука была! Мне же только пальчик покажи, — теперь Оксана вспоминала об этом весело.

Артуру же захотелось поехать и пристрелить этого ублюдка... Может, и стоило? Разве не придумал бы, как замести следы?

Если Маша пошла в отца, то такая запросто сможет удержать растерявшегося парня под водой. А Влад явно оторопел бы: насколько Логов успел понять, Маша считалась его девушкой. Обычно ребята оказываются не готовы к тому, что возлюбленные пытаются их убить...

Маша тоже узнала его: заплаканные глаза мгновенно раскрылись, и Артур увидел Оксанину зелень. Отрекшаяся дочь походила на нее больше, чем маленькая Сашка, которая вообще непонятно в кого уродилась — это и нравилось Артуру. Он лю-

бил кошек, а Сашка была из их породы, жила сама по себе. С такими трудно дружить, но уж если она привяжется, то навсегда...

Он обернулся к Никите:

— Опроси... вон того парня. А я побеседую с девушкой, — чтобы сразу пресечь вопросы, буркнул: — Тебе такая враз голову заморочит.

— Красивая, — понимающе откликнулся помощник и неумело подавил вздох.

«Актерскому мастерству ему еще учиться и учиться», — Артур едва удержался от того, чтобы не погладить мальчика по голове — так жалко стало. С чего вдруг Разумовский, скотина бессердечная, толкнул ребенка в самую геенну огненную? Нет, в омут.

— Еще какая, — он ободряюще улыбнулся Никите. — Но я справлюсь.

Силу своей улыбки Логов знал чуть ли не с детского сада и не считал зазорным пользоваться тем, чем наградил его бог. Когда во дворе пацаны разбивали стекло мячом, к рассвирепевшим соседям подсылали маленького Артура, и он умоляюще улыбался нависшим над ним взрослым людям, делая несчастные глазки:

— Мы нечаянно! Честное слово. Мы в футбол играли, а мячик вдруг улетел.

На него невозможно было сердиться...

Поэтому и с женщинами Логов всегда расходился легко, оставаясь в приятельских отношениях — мало ли какая помощь может понадобиться! С его-то работой... Никогда не знаешь заранее, что тебя ждет на следующий день.

Разве мог он вообразить, что встретит на месте преступления Оксанину дочь?

— Привет, Маша Каверина, — произнес он тихо и жестом отозвал ее в сторону. — Давай пройдемся. Не будем ломать комедию... Но и афишировать, что мы знакомы, не стоит. Это в твоих интересах, если не хочешь, чтобы дело передали другому следователю, которому будет плевать на твои мотивы и прочее.

— Мотивы?

Она жалобно хлопнула носом, и Артур спохватился, что платка у него, как обычно, нет. Когда он плакал в последний раз? И насморки его тоже не мучили...

«Ладно, обойдется». Логов отвел глаза, чтобы не выдать неприязни, которую на самом деле вызвала у него старшая Оксанина дочь. Рыдает она... А сколько мать слез выплакала, этой жадной гадючке плевать! Да кого вообще волнуют материнские слезы? Вчера мертвого зацепера с электрички Ярославского направления сняли... Шестнадцать лет пацану. Много он о маме думал, когда погеройствовать решил? Оставалось молиться, чтобы хоть Сашке гормоны голову не снесли...

Топить Машу — даже в переносном смысле! — Логов, конечно, не собирался. Не только потому, что Оксана не простила бы этого... Ему с детства нравилось собирать головоломки, и Артур никогда не жульничал. Даже в игре «в пятнадцать» или, как называли мальчишки, в «пятнашках» он ни разу не перекладывал костяшки с числами, чтобы выстроить их по порядку. Обманывать-то некого... А победа, если ты смухлевал, особой радости не приносит.

— Давай по порядку, — предложил Артур. — Где и когда вы познакомились с Владом? И вплоть до вче-

рашнего вечера. Не паникуй, не торопись. Я тебя ни в чем не обвиняю, мне просто нужно выяснить все обстоятельства.

Все больше успокаиваясь даже не от самих слов, а от звука его голоса, Маша быстро кивала. Мир возвращался к ней красками и звуками, она даже повернула голову, когда на дереве, мимо которого они проходили, удивленно вскрикнула птичка, скрытая листвой. Радость возвращения к жизни проникала сквозь поры вместе со свежим воздухом, пронизанным солнцем, и разливалась по телу. Татуировка — ивовые листья на левой ноге, они колыхались как живые. Артур отметил: с каждым шагом она держится все уверенней, но еще сама не может поверить, что спасена. Или нет?

Голос ее прозвучал настороженно:

— А вы... Как мне вас называть?

— Я и не подумал, извини. Официально я Артур Александрович.

— О'кей, — вздохнула она.

— Но это длинно и сложно. Когда нас не слышит никто из посторонних, я для тебя просто Артур.

Ее слух выхватил главное: они заодно. Посторонние — это вокруг.

И Маша расслабилась, на что он и рассчитывал, принялась не спеша наматывать на палец медовую, как у матери, прядь. В темноте рыбачка не разглядела, какого цвета были волосы у Русалки... Может, и светлые, Артур ничего не исключал.

Начало немудреной Машинной истории было ровно таким, какое он уже успел нарисовать в воображении.

— Мы с Владом познакомились в клубе...

Банально. А ей, наверное, такое начало кажется достойным. Удержавшись, чтобы не поморщиться, Логов ободряюще кивнул:

— Продолжай. Ты знала, из какой он семьи?

То, как она замялась, уже можно было считать ответом, но ему хотелось услышать.

— Ну... Мне говорили... Не прямо мне! А кто-то просто сказал, что это типа крутой мажор — сын олигарха.

Взглянув на него испуганно, Маша торопливо облизнулась:

— Только вы не подумайте, что я из-за денег с ним...

«Нет, конечно, — подумал Артур с раздражением. — По большой и чистой любви, дрянь ты расчетливая! Мать предала ради жирного куса, чего от тебя ожидать?»

Но вслух он равнодушно произнес:

— Я не оцениваю твои действия. Мне нужно составить объективную картину. Ты знала Влада лучше других... Что с ним происходило в последнее время? Может, были какие-то неприятности? Кто-то ему угрожал?

То, что Артур перевел стрелки и заставил ее думать о Владе, а не о себе, помогло Маше вернуться в свое привычное состояние. Теперь она была не просто спокойна, но собранна, и ей даже захотелось оказаться полезной в расследовании — это же ужас, что случилось с Владом! Выпуклый лоб ее пошел мелкими складками, она силилась припомнить хоть что-то...

— Но с ним ничего такого... подозрительного не происходило, — заметила Маша с сожалением.

Артур попросил:

— Не надо о подозрительном. Рассказывай буквально обо всем, что вспомнишь...

* * *

Оказалось, это жутко стыдно: признаваться, что убитый человек не так уж много значил для тебя. Впрочем, как и никто другой. Не было в этом мире никого, чья смерть стала бы для Маши концом света... Родители? Это смешно, она уже не ребенок, чтобы цепляться за них. Сестра? Сашка терпеть ее не могла, и, надо признать, их чувства были взаимны. К Владу она относилась чуть лучше, все-таки от него зависело ее будущее — невозможно же до старости жить в доме отца, куда он каждый вечер приводит девок... Уж лучше с этим белокожим тюленем, каким Маше виделся Влад.

Но разве о таком скажешь следователю? Язык сделался непослушным, вялым, а кончик пальца уже налился кровью — так Маша перетянула его прядью. Кажется, даже зубами коснись — брызнет кровь.

«А вдруг его душа летает где-то рядом? — Она со страхом скосила глаза. — Сколько она там еще на земле? Девять дней? Или сорок? Вдруг он слышит, что я говорю? Ой, да что я такое несу?! Бре-е-ед...»

И все же было не по себе от мысли, что Влад может наказать ее за... правду. Разве ему понравятся такие слова?

— Влад был... нормальным. Обычным. Ничего особенного... За что его ненавидеть кому-то?

Между строк откровенно звучало: «Я не любила его». Внимательный взгляд Артура уже считал

это, Маша даже не сомневалась. Но он не встретил, слушал, только изредка кивая, ничем не выказывая осуждения, если оно и было. Ой, да он же на таких уродах насмотрелся — убийцы, извращенцы всякие!

«Я просто ангел против них», — Маша высвободила затекший палец.

— У нас все было хорошо. Я за него замуж собиралась.

Одобрительный кивок. Поколебавшись, она решилась:

— Правда, он так и не это... Ну... Предложения не сделал.

— Тебя это обижало?

В голове сразу зашумело от прихлынувшей крови:

— Не до того же, чтобы топить его! Да и нафига мне это? Убивают мужей, чтобы наследство заполучить, а Влад мне был никем...

Она осеклась, испуганно оглянулась и пробормотала:

— Ну, то есть как никем... Официально. А так-то...

— У вас были сексуальные отношения? — невозмутимо уточнил Артур.

— Само собой! Мы оба совершеннолетние, если что... Владу вчера тридцатник стукнул.

— И он пригласил лучших друзей...

— Да не то чтобы... Не прям друзья. Так, тусовались вместе по клубам.

— По каким именно?

Артур вытащил из кармана маленький блокнот с оранжевой обложкой — специально покупал яркие, потому что они вечно терялись в ворохе бумаг на столе. Настороженно проследив, как он готовится

записать, Маша уверенно продиктовала несколько названий.

— Но «Мечтатель» ему больше всего нравился, — она вздохнула, внезапно и впрямь ощутив пустоту.

С кем теперь проводить вечера? Как в школе — с девчонками? Ага! Это Сашку такое устраивает, ей и в одиночестве дома торчать в радость. А у Маши ломка начиналась, если некуда было поехать на ночь глядя. Нет, не наркотическая ломка! С этим у нее никогда ничего серьезного не случалось, так... дегустация. Да и Влад не одобрял.

Она сообщила об этом Артуру, пока не забыла. Это ведь тоже типа версия, да? Дилерские разборки... Но у Влада с этим проблем не было. Следовательно должен знать. Что-то черкнул в блокноте, значит, ценная инфа...

— А до тебя Влад с кем встречался?

— А что? — насторожилась Маша. — Он говорил, что впервые так влюбился. В меня. И я ему верила, между прочим!

Она выкрикнула это с вызовом, и губы Артура сразу вытянулись в трубочку: «Тихо-тихо!»

— Я тоже верю, — произнес он с такой убежденностью, что Маша сразу же затихла. — Ты же красавица, как он мог в тебя не влюбиться?

— О'кей, — она усмехнулась с легкой игривостью.

Маша и не заметила, что обычного в таких случаях «и умница» Логов не добавил. И ограничил круг тех, кто мог влюбиться в Машу, одним Владом... Если б до нее дошел скрытый смысл его слов, она оскорбилась бы. Но Артур понимал, с кем имеет дело.

Сашке он такого не сказал бы...